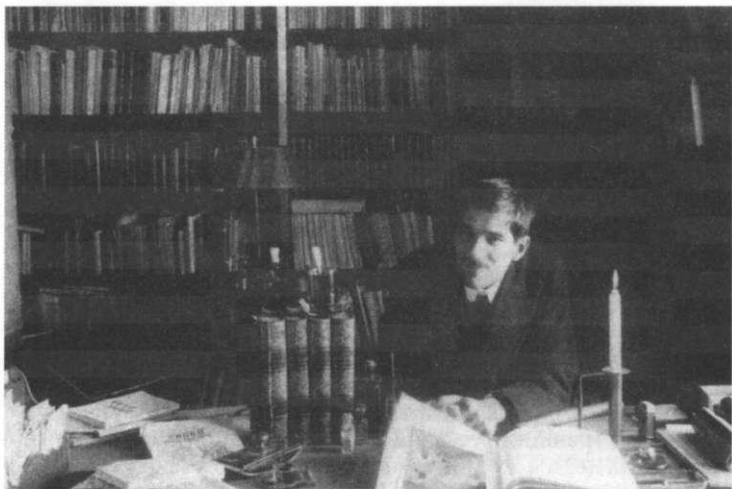

МАЯКОВСКИЙ В КУОККАЛА

В середине мая 1915 года Маяковский, неожиданно «разбогатев» (выиграл 65 рублей), уехал на дачу в Куоккалу, на побережье Финского залива, где летом жили многие его друзья и знакомые. С ранней весны здесь поселился Каменский; приехал с женой И.А. Пуни; на даче здесь жили Бродские, Кульбин, Евреинов, неподалеку, в Оллиле, - семья К.И. Чуковского.

Чуковский в своем кабинете в Куоккале. 1915 год

Место это привлекало Маяковского тем, что было сравнительно тихим и малолюдным. В Куоккале Маяковский поселился в гостинице Трубе (неподалеку от железнодорожной станции), но жил там недолго. По свидетельству К.И. Чуковского, у

Маяковского постоянного жилья не было. Он жил то у само-го Корнея Ивановича, то у художника Ивана Альбертовича Пуни, с семьей которого в то лето очень сблизился, то еще у кого-нибудь из своих друзей. А «рабочим кабинетом» его был пустынный пляж с огромными валунами, торчащими из воды. Чуковский вспоминал: «Если выйти из нашей калитки на пляж и пойти по берегу моря направо, то окажешься возле довольно крутого откоса, сложенного из крупных, грубо обтесанных камней. Это массивное сооружение носило в то время название Бартнеровской стены...

Маяковский уходил на Бартнеровскую стену каждое утро после завтрака. Там было пусто. Мы много раз видели как он, длинноногий, шагал по наклонным, скользким, мокрым от брызг камням над волнами...». Увлеченно, можно сказать, испуленно работал Маяковский над своей поэмой («Тринадцатый апостол», вышедшей в печати под названием «Облако в штанах»), часами вышагивая по пляжу, ни на минуту не переставая вести сам с собой «сосредоточенный и тихий разговор». Так «выхаживал» и «выборматовывал» поэт все новые и новые куски своей поэмы. А затем отправлялся к кому-нибудь читать их, проверять на слушателях. Чтение чаще всего происходило в доме Чуковского, где постоянно бывал кто-нибудь из знакомых обитателей Куоккалы или прибывших из Петрограда.

Дача Чуковских в Куоккале. Рисунок В.Н.Бокариуса

До 1986 года на границе поселков Репино и Солнечное, чуть в стороне от дороги, у залива стоял некогда многоголосый и гостеприимный дом Чуковского. Маяковский был принят здесь как близкий человек. Часами в кабинете хозяина он листал журналы со стихами своих литературных противников, штудировал поэзию И. Анненского, и В. Брюсова. Любил возиться и работать с детьми Чуковского. В Куоккале текла обычная дачная жизнь: ходили на прогулки, купались, катались на лодках, а когда появились ранние грибы-кокосовики, стали устраивать походы в лес. На прогулках, шагая чуть в стороне от всех, не принимая участия в общем разговоре, он обычно начинал декламировать стихи А. Ахматовой, А. Блока, Саши Черного. Через дорогу, неподалеку от дома Чуковского жил в своих «Пенатах» Илья Ефимович Репин. И Корней Иванович с тревогой ждал неизбежного «столкновения» футуриста Маяковского и крупнейшего художника реализма... «Оба такие разные и по возрасту, и по взглядам на искусство» И оба такие горячие, темпераментные!». И вот произошла их первая встреча. В одно из воскресений, когда поэт читал у Чуковского «Тринадцатого апостола», неожиданно пришел Репин. Он присел к столу. Хозяин дома с тревогой посматривал на художника, ожидая «грома и молний». Но, к его удивлению, Репин очень внимательно слушает. Поэма дочитана до конца. «Браво!» - восклицает художник, и Маяковский по его просьбе читает свои стихи. «Репин восхищается все жарче. «Темперамент! - кричит он. - Какой темперамент!» И, к недоумению многих присутствующих, сравнивает Маяковского с Мусоргским... Репин сквозь чуждые и непривычные ему формы стиха инстинктом большого художника сразу учуял в Маяковском огромную силу...» (К. И. Чуковский. Собр. соч. в 6 тт. - М.: Художественная литература, 1965. - Т. 2, с. 354-365.) 4 июля 1915 года по инициативе семьи И.Е. Репина в Куоккальском театре, принадлежавшем А.И. Пуни, состоялся благотворительный вечер, все средства от которого пошли в пользу лазарета деятелей искусств, пострадавших от войны. Участниками вечера были представители куоккальской интеллигенции, как любители, так и профессионалы, принадлежащие к артистическому, художественному и литературному миру. На вечер выступил Чуковский с чтением отрывков из «Детства» Горького, пел итальянские вещи Г.Ф. Гнесин, певец и композитор, принадлежавший к известной музыкальной семье, играла на скрипке М. Берсон, танцевали «подающие большие надежды сестры Пуни»... Словом, это был большой вечер с музыкальными номерами, танцами и пением. Принял в нем участие и Маяковский. Корреспондент журнала «Театр и искусство» записал: «Выступление г. Маяковского многих разочаровало. От него как от «футуриста» ожидали какой-нибудь дикой выходки. Вместо этого этот очень неуравновешенный, но, несомненно, обладающий недюжинным дарованием поэт прочел несколько стихотворений, очень своеобразных и колоритных, вовсе лишенных каких-либо специальных эксцессов. Пьесы Маяковского про собаку и про звезды – произведения прямо отличные, рельефные, очень индивидуальные, весьма любопытные в отношении ритмической и рифмической техники».

Маяковский и Чуковский в Куоккале (1915)

Сотрудник «Огонька», записывающий беседу с И. Е. Репиным в мастерской знаменитого художника. ristikivi.spb.ru

Испытание огнем модели дачи, оштукатуренной новозобретенным огнеупорным составом.

Страшный пожар опустошил пылче летом излюбленный петербуржцами дачный поселок Куоккала, по финляндской жел. дор. «Грози не грянет, мужик не перекрестится». Куоккальские дачевладельцы спохватились и воспользовались приглашением шведа и датчанина, изобретивших огнеупорную штукатурку. В конце августа состоялось публичное испытание деревянной модели домика, сплошь покрытого этим составом. Двухчасовой огонь не мог справиться с охранительной штукатуркой, и домик вышел из костра невредимым. Легко подычь составом нехитрую игрушку, — но как уберечь все сплошь деревянные части более сложной постройки от проникновения огня? Многие дачевладельцы, однако, тут же заказали изобретателям огнестойкия дачи.

К. Л-ов. В студии И. Е. Репина. (Огонек, 28 июля (10 августа) 1913 года, №30). <http://terijoki.spb.ru>

Заметка с фотографией об испытании огнестойкой штукатурки в Куоккале в том же 1913 году как раз по следам пожара (Огонек, 8 (21) сентября 1913 года, №36).